

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Богданов: от политической экономии к тектологии

Гловели Георгий Джемалович

доктор экономических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», руководитель Центра методологических и историко-экономических исследований ИЭ РАН

glovelig@mail.ru

Ключевые слова: русский марксизм, русская революция, тектология, организационные альтернативы капитализма, экономические кризисы, «военный коммунизм», технократия

Keywords: Russian marxism, Russian revolution, tectology, organizational alternatives of capitalism, economic crises, War Communism, technocracy

Введение

1917 год долгое время в XX веке считался отправной датой «новейшей истории» — эпохи социализма и общего кризиса капитализма. Дискуссии о такой трактовке, стационарированной на исторический опыт СССР, еще долго будут продолжаться. Но Коммунистическая партия, отсекая зигзагами своей «генеральной линии» собственных виднейших теоретиков, кроме В. Ульянова-Ленина, догматизировала и сакрализовала его схемы «государственно-монополистического капитализма» как «полнейшей материальной подготовки социализма» и «социализма как низшей фазы коммунистической формации». Иные концепции эволюции капитализма и обоснования социализма отбрасывались, и в первую очередь те, на которые был богат революционный 1917 г. Между тем в вековой ретроспективе эти оборванные звенья российской политэкономической

мысли интересны не только (может быть, и не столько) своими прогнозами, сколько нетривиальными оценками тенденций всемирно-исторического процесса, не уловленных ни пресловутой формационной «пятичленкой», ни ее прямолинейными и кривоколейными отрицаниями.

Предлагаемые очерки — своего рода этюды для диорамы российской политической экономии кануна и начала Великой русской революции, которые могут поспособствовать и более четкому видению горизонтов политэкономии XXI века.

Амбивалентность капиталистического прогресса производительных сил и производственных отношений

Классическая политическая экономия — продукт технологических, структурных и институциональных сдвигов

в хозяйстве, придавших Западной Европе динамику поступательного экономического роста. Эти сдвиги были осмыслены как прогресс разделения труда, упростивший отдельные ручные операции настолько, что стало возможным заменять их гораздо более производительными машинными; снятие препятствий с накопления капитала и замещение старого сословно-корпоративного порядка классовым строением и свободой регулярных экономических обменов.

В согласии с духом научной революции и философией Просвещения, но в антитезе окарикатуренной А. Смитом «меркантильной системе», классическая политэкономия стала позиционировать себя как учение о «естественных законах» рыночной конкуренции, будто бы направляющих частный интерес к общему благу и росту производительности факторов производства. Правда, А. Смит не скрывал, что светонесная «невидимая рука» оставляет в тени богатства наши хиреющую массу тупых частичных работников, прикованных к одному орудю, и рекомендовал государству немного позаботиться о народном образовании. Однако появившиеся профессора политэкономии поспешили обосновывать «гармонию интересов» в «общественной системе», где «результатом предшествующего и причиной грядущего прогресса» закономерно становится «естественный ход» все более «глубокого и решительного» отделения умственного труда от физического, предпринимателей и изобретателей от «исполнительного трудового сословия», чему никоим образом не должно противодействовать правительство (цит. по [49, с. 375]).

Но не эти вульгаризаторы смитовского «натурализма и оптимизма» [34, с. 38] выступили завершителями классической политэкономии для ее принципиального критика К. Маркса, а пессимисты Д. Рикардо и С. де Сисмонди. Один, настаивая на огра-

ничении доходов рабочих минимумом средств существования, вскрыл острую конфликтность классовых интересов при распределении общественного продукта. Другой призывал затормозить технический прогресс, усматривая в «недопотреблении» рабочего класса причину кризисов перепроизводства, которые стали сотрясать экономику свободной конкуренции. Маркс же соединил защищаемую обоими трудовую теорию стоимости с технологическим оптимизмом и стержневой идеей утопического социализма XIX в. — отрицанием разделения труда.

Определение классической политической экономии было дано Марксом одновременно с формулировкой основ материалистического понимания истории [48, с. 6–7], [39]. Продолжая критику политической экономии и разработку исторического материализма в «Капитале», Маркс раскрыл амбивалентность прогресса производительных сил и обусловленных ими производственных отношений на мануфактурной и фабричной стадиях капиталистической общественной формации. А именно: мануфактурное разделение труда, уродуя работника до частичного, приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства, сосредоточенные на стороне капитала, противостоят рабочим как чужая собственность и господствующая над ними сила. Этот процесс «завершается в крупной промышленности, которая отделяет науку как самостоятельную потенцию производства от труда и заставляет ее служить капиталу» [49, с. 301].

Деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса как организаторов рабочего движения исходила из убеждения, что «производство в крупных размерах, ведущееся в соответствии с требованиями современной науки, осуществимо при отсутствии класса хозяев, пользующихся трудом класса наемных рабочих» [51, с. 21]. Очерчивая структуру «научного социализма» и делая

прогноз послекapиталистического общества, Энгельс писал, что оно «вырастит новое поколение всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства и каждый из которых изучил на практике целый ряд отраслей производства от начала до конца» [69, с. 308].

Теория прогресса и естествознание

Горизонты завершителей классической политэкономии были ограничены «вечными законами» рынка (Рикардо) и непосредственными страданиями тех, кто не преуспел при переходе к нему (Сисмонди). Не политэкономы-пессимисты, а их философски мыслившие современники — диалектик Г. В. Ф. Гегель и пророк «планомерной организации» работ А. Сен-Симон — стали предтечами оптимистической формационной теории прогресса. Эти «два гениальнейших человека», по словам Ф. Энгельса, «взялись» энциклопедически резюмировать естествознание [69, с. 565], и их вклад, хотя и несовершенный, оказался решающим для формирования исторического материализма и пролетарского социализма Маркса—Энгельса.

Но провозглашенный в «Капитале» взгляд на общество как на «естественноисторический процесс» требовал энциклопедически резюмировать естествознание (включая антропологию и археологию) уже на более высоком уровне, чем Сен-Симон и Гегель, — на основании новых открытий, особенно закона сохранения энергии и эволюционных концепций в геологии, биологии и этнологии. В то же время, с одной стороны, интеллектуальная реакция в Германии против гегельянства побудила Маркса, по его собственному признанию, в политэкономии излишне «кокетничать» гегелевской «манерой выражения» [49, с. 19], а попытка Энгельса эксплицировать диалекти-

ку природы осталась незавершенной и не преодолевшей ошибок гегелевской «Философии природы» [67, с. 95–96]. С другой стороны, с претензией на новое обобщение естествознания, подводящее к особой науке о статике и динамике общества — социологии — выступила выскользнувшая «из рукава» сенсимонизма «позитивная философия».

Основатель позитивизма О. Конт был учеником-отреченцем Сен-Симона, присвоившим себе авторство сформулированного учителем закона «трех стадий» прогресса человеческого знания: религиозной, метафизической и позитивной [65, с. 106]. В философии истории Сен-Симона религиозная стадия соответствовала старому военно-теократическому (авторитарно-сословному) типу общества, позитивная — нарождающемуся научно-промышленному (индустриальному) типу; промежуточная между ними считалась «метафизической», с чередой политических и научных революций (понятия «индустриальное общество» и «научная революция» были введены Сен-Симоном). Вслед за Сен-Симоном позитивистская социология выдвинула на первый план проблематику прогресса как перехода от «военного» к «индустриальному» типу общества. Но формулировка Конта: «Прогресс есть только развитие порядка», — была невнятной, а второй виднейший систематизатор позитивизма англичанин Г. Спенсер ясности не добавил, определив прогресс как движение от «несвязной однородности к связной разнородности».

Успехи естествознания придавали привлекательность проекту «позитивной» философии и социологии. В Германии позитивизм пропагандировал крупнейший химик Европы Ю. Либих, а английский позитивизм ухватился за учение Ч. Дарвина о естественном отборе как механизме развития.

Конт обвинял утопический социализм в том, что тот «игнорирует естественную организацию современ-

ной промышленности, из которой хочет устранить руководителей», но сам призывал к государственной «социократии», которая даст промышленным пролетариям образование, чтобы обеспечить «консенсус», удовлетворив бедных и успокоив богатых [38, с. 21, 25]. Спенсер же, придавший широкую популярность формуле «выживание наиболее приспособленного» (*survival of the fittest*) — применительно не только к живой природе, но и к обществу, — отождествлял естественный отбор в экономике с неограниченной рыночной конкуренцией. Спенсер настаивал, что «промышленный тип общества» характеризуется «разнообразным нонконформизмом» и «той же самой индивидуальной свободой, которую предполагает всякая коммерческая сделка» — в противоположность «военному типу общества», для которого характерны принудительное единообразие, слияние промышленного управления с политическим и верховенство «способности к совокупности действий против других обществ» [62, с. 613–624].

Спенсерианство как разновидность *социального дарвинизма* (и как какое другое философское течение ни до, ни после) имело особый успех в США, где стало обоснованием господства промышленных монополий (трестов) как «результата естественного отбора» фирм в рыночной конкуренции. А по Европе разлилась идеология социал-дарвинизма как обоснование неизбежного неравенства общественных слоев и разных рас. Ее активно поддерживали виднейшие дарвинисты Э. Гексли и Э. Геккель, основатель «неодарвинизма» А. Вейсман [24, с. 94].

В России же эпоха раскрепощения и разnochинского радикализма придала распространению позитивизма и дарвинизма весьма своеобразный характер. Характерны в этом отношении разрыв с Геккелем его русского ученика, молодого зоолога Н. Н. Миклухо-Маклая, посвятившего дальнейшую жизнь опровержению расизма, и критика социал-

дарвинизма виднейшим русским биологом-дарвинистом, «шестидесятником» К. А. Тимирязевым. Находя в дарвинизме опору для свободомыслия, русская демократическая интеллигенция, однако, как правило, проводила резкую грань между биологической и социально-культурной эволюцией. Зачинателями самостоятельной «русской социологической школы» стали позитивисты и идеологи «долга интеллигенции перед народом» П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский [35, с. 49, 59–64]. В противоположность Спенсеру, они отвергали трактовку общественного прогресса как движения к разнородности, понимаемой как дальнейшее разделение труда, и считали «незаконным аналогическим методом» перенесение на общество дарвиновской формулы «борьбы за существование» [53, с. 361–362]. В переписке с Лавровым критиковал указанную формулу и Энгельс [70, с. 134].

Позитивизм в русском зеркале

Карикатурой на молодого русского позитивиста-разnochинца, для которого «природа не храм, а мастерская; человек в ней работник», стал хрестоматийный тургеневский образ «нигилиста» Базарова, отрицающего всякие авторитеты, зато уважающего опытное естествознание.

Маркс и Энгельс, враждебные «дрянному позитивизму» [50, с. 197] Конта, филистерски сузившему идеи Сен-Симона [69, с. 327], дистанцировались от западной социологии. Но в России довольно скоро возникла тенденция рассматривать марксистское материалистическое понимание истории как особое социологическое направление [36]. Причем в разгоревшихся в конце века дебатах между народниками и марксистами о стадийном хозяйственном развитии России в сравнении с Западом марксистский историзм часто понимался слишком буквально как «экономический материализм» [37].

Против такой трактовки выступил один из наиболее энциклопедических умов России М. М. Филиппов, «Фауст тех лет» [68, с. 318], основатель и редактор журнала «Научное обозрение», ставшего главной ареной российских легальных дискуссий о марксизме. В серии статей «Социологическое учение Карла Маркса» Филиппов, опираясь на книгу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», отмечал, что историзм не следует сужать до «экономического материализма» хотя бы потому, что понятие «общественное бытие» более широко, чем «экономика» [66, с. 4, 17]. Как первобытный общественный порядок определялся «производством людей», не сводимым к половым узам; так и в цивилизованных обществах экономика («производство вещей») не определяет всего; а для будущего Филиппов прогнозировал переход основной роли от экономического фактора к «производству идей» — творческому применению естествознания. Главным достоинством «Капитала» Маркса Филиппов считал социологически продуманный историзм в понимании экономических категорий — огромный шаг вперед сравнительно с классической политэкономией, которая мало интересовалась разными стадиями экономической эволюции и переходила от шаблонных идиллических примеров охотников и пастухов сразу к сложной современности [66], [1, с. 77–78]. Но одновременно Филиппов полагал, что историзм Маркса и Энгельса развивался по пути освобождения «от балласта диалектики»: в процессе критики политической экономии естествознание «прокрадывается в тайники исторического материализма, откуда окончательно выкуривает гегелевский дух» [66, с. 4, 24, 27]. В этом выводе сказалось увлечение Филиппова, определявшего свое мировоззрение как «критический реализм», новой волной европейского позитивизма, связанной с растущим влиянием

швейцарского философа Р. Авенариуса и австрийского физика Э. Маха.

Журнал Филиппова оказал существенное воздействие на формирование философских взглядов А. А. Богданова (Малиновского) [29, с. 110–111] — лектора в подпольных рабочих кружках Тулы и юного автора первого русского марксистского «Краткого курса экономической науки» (1897).

«Хождение народа в интеллигенцию» и политэкономия

А. А. Богданов как теоретик — зеркало нового поколения русской разноточинной интеллигенции, увидевшей в «идее пролетариата» надежду на «великое решение» [61, с. 113] вопросов, стоящих перед архаичной, кондовой, но быстро втягивавшейся в сеть мировых капиталистических отношений Россией. Предыдущее поколение испытало оглушительную неудачу «хождения в народ»; новую горькую соль на эту рану интеллигенции насыпал провал «мужицких доброхотов» в голодный 1891/92 год [39, с. 9–11].

По собственным словам А. А. Богданова, за годы учебы на казенный кошт в тульской классической гимназии «злостно-тупое начальство» приучило его «ненавидеть властвующих и отрицать авторитеты» [5, с. 361], направив тем самым под «идейное знамя суровых демократов-„нигилистов“» [22, с. 216]. Эти автохарактеристики дополняют свидетельства соучеников будущего энциклопедиста — врача И. И. Соболева, вспоминавшего, что его товарищ в старших классах знакомил со своими «учеными записками» о влиянии природы на человека и о значении научных открытий и изобретений для человечества [60, с. 72], и экономиста В. А. Базарова (настоящая фамилия Руднев; псевдоним взят в честь тургеневского героя), вспоминавшего о прочитанных с друзьями

в гимназии естественно-научных популяризациях как о «родниках воды живой», открывавших «мир подлинной науки как страстной, полной захватывающего интереса борьбы творческого разума с косностью сложившихся норм и навыков традиционного сознания» [3].

И Богданов, и Базаров (тогда еще Малиновский и Руднев) по окончании гимназии поступили на естественное отделение Московского университета, но были исключены за участие в нелегальном Союзном совете землячеств и высланы в Тулу. Там их вместе с несколько более старшим по возрасту учителем И. И. Степановым (Скворцовым) увлекло, по словам Базарова, «хождение народа в интеллигенцию» [2]: местные фабричные рабочие (оружейники, патронщики, самоварщики) хотели уяснить свое положение в обществе, самостоятельно читали и обсуждали периодику, организовывали кружки. И вовлекали в них юных ссыльных «интеллигентов», от которых ждали ответов на всякие «проклятые и непроклятые вопросы». Через эти вопросы, вспоминал Богданов, пробивалось «определенное направление для ищущей мысли молодого лектора — соединять, как звенья одной сложной цепи развития, явления технические и экономические с вытекающими из них формами духовной культуры» [14, с. 239]. Опора для такого соединения была найдена в «Капитале» К. Маркса — после того, как выяснилась непригодность для занятий с рабочими наиболее известных тогда учебников по политэкономии — народных «Экономических бесед» Н. А. Карышева и либерально-буржуазного университетского курса И. И. Иванюкова. Составленный в сотворчестве с рабочими, при помощи И. Степанова и В. Базарова и опубликованный в Москве оригинальный «Краткий курс экономической науки» выдвинул А. Богданова в первый ряд идеологов формировавшейся российской социал-демократии;

а тульские рабочие кружки составили основу местной организации РСДРП. На историческом Втором съезде РСДРП Тулу представлял ученик Богданова токарь Сергей Степанов. Сам Богданов в это время отбывал новую ссылку, в которую угодил вскоре по окончании (без отрыва от подпольной работы) Харьковского университета (со специальностью «врач-психиатр»).

«Краткий курс экономической науки» получил в популярном журнале «Мир Божий», издававшемся Л. К. Давыдовой, женой первого русского марксистского доктора политэкономии М. И. Туган-Барановского, комплиментарную анонимную рецензию В. И. Ульянова (отбывавшего ссылку в Енисейской губернии), который особенно хвалил автора за то, что тот «последовательно держится исторического материализма» и освещает процесс экономического развития в форме характеристики последовательных периодов, выясняя связь меняющихся коренных экономических черт с классовым строением [43, с. 37–38]. Отмеченный историзм сам Богданов, осознав себя «социологом школы Маркса», решил углубить в философских трактатах, с целью «удовлетворить широту и разнообразие запросов рабочих в смысле общего мировоззрения» [4, с. 361].

В новой ссылке, отбываемой в Вологде, Богданов сдружился и породнился с даровитым оратором и литератором А. В. Луначарским (по прозвищу Легкомысленный) и вместе с ним возглавил группу содействия газете РСДРП «Искра». Одновременно как дипломированный врач он бескорыстно оказывал профилактическую помощь ссыльным [57, с. 475–476], а также прослыл среди них «астрономом», поскольку по ночам наблюдал небо в подзорную трубу, особенно часто наводя ее на Марс. В то время научная общественность была захвачена гипотезой о существовании на «красной планете» высокоразвитой цивилизации, будто бы

соорудившей сеть огромных оросительных каналов, а в фантастике тема «марсиан» выдвинулась едва ли не на первый план [27, с. 16–17]. Однако, помимо астрономии, Богданов серьезно интересовался и другими естественными науками, особенно теми открытиями, за которые стали присуждать Нобелевские премии по физике, химии и биологии (строение атома, радиоактивность, теория электролитической диссоциации, препараты для борьбы с массовыми инфекциями и т. д.).

Марксистская политэкономика, а затем «Тезисы о Фейербахе», были восприняты разночинцем Богдановым как «монистическое понимание общественной жизни и развития» — объяснение, каким образом коллективная практика в борьбе с природой порождает различные общественные формы и смену этих форм. Не ограничиваясь почти ежегодными переизданиями своего учебника, Богданов со всем пылом просветительского радикализма поставил перед собой задачу распространить это «научное откровение» на другие области знания [46, с. 3]. Он считал главным выражением гениальности автора «Капитала» то, что Маркс «разрывает границы между философской ученостью и, казалось бы, совершенно отдаленной от нее областью материального производства» и «все время протаскивает... за пределы того, что он сам сказал» [7, с. 39]. Отсюда дальнейшая цель — установление единства методов во всех сферах преобразовательной деятельности человека ради «общего плана завоевания стихий» [20, с. 111].

От трудовой теории стоимости и марксовой критики «созерцательного материализма» Богданов двинулся к *трудовой теории динамики общества*, чтобы выяснить коллективно-практический генезис всех форм общественного сознания: от языка и мифов до искусства и естественно-научных теорий. Богданов интегрирует в «ме-

тодологию пролетарского миропонимания» обобщения европейских ученых о трудовом происхождении речи, религиозных метафор, музыки и танцев [28, с. 116–117], с энтузиазмом воспринимает открытие пещерной живописи первобытных охотников (Альтамира) [6, с. 421, 474]. Но особенно увлекается тремя «историко-монистическими тенденциями в философии естествознания, разрывающими границы между разными науками: эволюционизмом, энергетизмом, эмпириокритицизмом. Чтобы почерпнуть из них материал для собственного философского «Э» — «эмпириомонизма».

Тернии «социально-трудового миропонимания»

Первые части большой работы с изложением своей философской системы Богданов написал в Вологде, наряду с серией статей против повернувших к идеализму экс-марксистов. Вскоре после освобождения из ссылки он поспешил на «подмогу» В. Ульянову-Ленину в противостоянии меньшевикам, обесценившим резолюции Второго съезда РСДРП [45]. Запечатленный в памяти опыт тульских кружков [10, с. 200] дал Богданову основания считать, что в России уже существует пролетарский авангард, которому условия производственной жизни и классовой борьбы дали достаточное воспитание в духе товарищеской дисциплины, чтобы возможно было приступить к созданию стройной, по возможности централизованной партийной организации. Богданов организовал Третий (бойкотированный меньшевиками) съезд РСДРП (1905), поездкой по России обеспечив прибытие многих делегатов из провинции; был избран в ЦК, вместе с Л. Красиным руководил Боевой технической группой ЦК. Подвергнутый аресту и заточению в петербургскую тюрьму «Кресты», Богданов завершил там разработку своей философской системы, дополняя

статьи, изданные ранее в книге «Новый мир» (1905). В этих трудах было два особенно ярких движения Богданова «за пределы того», что сказал сам Маркс.

Первое особо не бросалось в глаза. Богданов резюмировал всемирную историю формулой «дробление человека» — по двум переплетающимся ветвям: профессиональной специализации, делающей людей «взаимно идиотами» (по выражению Ф. Лассалля), и авторитарного противопоставления умственной «организаторской» деятельности — трудовому исполнению, что является основой классового деления общества. Предел дробления человека — отупевший «частичный работник» мануфактуры [6, с. 40]. Здесь Богданов вторит Марксу (и Смиту). Но вот работников крупного машинного производства Богданов, в отличие от Маркса и Энгельса, считал не просто «пролетариями, которым нечего терять, кроме своих цепей», а зародышем нового «психического типа», совмещающего организаторский и исполнительский труд. Машина взяла на себя мелочную техническую специализацию, но требовала от работника организаторских функций контроля и управления, тем самым открыв перспективы «собирания человека».

В новых изданиях «Краткого курса экономической науки», вышедших одно за другим в революционном 1906 г., Богданов писал, что с развитием машинного производства новые формы труда требуют умственной гибкости и необходимости «время от времени менять работу, переходя от одних машин к другим, от роли „организаторской“ к „исполнительской“ и обратно»; напротив, устраняется необходимость «прикрепления определенных лиц к определенной частной работе» [11, с. 280–281].

Если в прогрессе машинной техники Богданов находил тенденцию к социальному идеалу «преодоления» разделения труда, а в прогрессе физической химии — «грандиозный, только

в минимальной еще доле начинающийся осуществляться, план овладения гигантскими запасами сил, глубоко скрытыми в материи» [20, с. 111], то в «философии естествознания» Э. Маха, показавшей связь эволюции физических терминов с обыденным производственным опытом, — близкие историко-материалистическому подходу Маркса (или «социально-генетическому», по выражению самого Богданова) «антиметафизику» и «гносеологический демократизм», критику «абсолютных» понятий в науке и философии, «отрицание безусловной объективности какой-либо истины» [22, с. 217] и признание «принципиальной равноценности» опыта различных людей в их социальном взаимодействии. Отсюда Богданов собирался шагнуть к «гносеологическому социал-демократизму» [22, с. 226], или «монистическому социально-трудовому миропониманию», но споткнулся о второе расхождение с Марксом и Энгельсом, оказавшееся роковым.

Маркс и Энгельс, критикуя старый «созерцательный материализм», тем не менее определяли свое мировоззрение как «современный материализм», который «является по существу диалектическим» [69, с. 25]. Это беглое определение было раздуть школой «основоположника русского марксизма» Г. Плеханова в «философию диалектического материализма» с исходным определением «материи» как внеопытной «вещи в себе» (термин взят у И. Канта), первичной по отношению к человеческим ощущениям. Более того, Плеханов договорился до нелепого утверждения, что указанный диалектикой Гегеля путь исследований «есть именно тот путь, следуя которому наука нашего времени, — например, естествознание, — сделала самые блестящие свои теоретические приобретения» [56, с. 381].

Богданов, гораздо лучше осведомленный в естествознании, сделал иные выводы из той «великой научно-технической революции, которая идет

на наших глазах» [17, с. 66]. Открытие внутриатомной энергии опровергло представление о неделимых атомах как первичной физической субстанции, и природу надо рассматривать как непрерывный поток превращений, в котором могут быть выделены не статические «вещи», а лишь *относительно* устойчивые «формы движения», находящиеся в процессе непрерывного взаимодействия с окружающей их средой [1, с. 11]. Но тогда утрачивает силу и привычное философское понятие о «материи»-веществе и тем более категория «вещь в себе». Наконец, исторически само понятие «материального тела» в противоположность «духу», по мнению Богданова, возникло как отражение «авторитарного» неравенства, в котором духовная власть организаторов определяет функции непосредственных производителей-исполнителей [22, с. 231].

Партийная роль Богданова как противника меньшевиков и его саркастическое отношение к претензиям Плеханова на «генеральство» в русском марксизме вызвали атаку школы Плеханова на «эмпириомонизм» Богданова как на новую разновидность ревизионизма, подменявшую марксистскую «ортодоксию» учением «реакционных философов» (каковых Плеханов, как стало потом правилом в «диалектическом материализме», даже не трудился прочитать), причем Плеханов демонстративно написал, обращаясь к Богданову, «вы мне не товарищ». В свою очередь, Богданов установил и обнаружил «совершенно беспримерный» факт: Плеханов пользовался в философской полемике своим же *нарочито неверным* переводом на русский язык второго из «Тезисов о Фейербахе», прибавив к словам Маркса отрицание «не»: вместо «практикой должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, поюсторонность своего мышления» получилось «практикой должен доказать человек

истину своего мышления, т. е. доказать, что оно имеет действительную силу и *не останавливается* по сю сторону явлений» [16, с. 210–211].

В. Ульянов-Ленин, относившийся к Плеханову-философу с неизменным пietetом, во время революции 1905–1907 гг. сдерживал свою досаду от философской «неортодоксальности» Богданова и его друзей Базарова и Луначарского, но, когда в вопросах партийной тактики Богданов и Ленин разошлись, а Легкомысленный объявил философию Богданова «почвой для расцвета социалистического религиозного сознания», Ленин яростно обрушился на «реакционную философию» Маха и его русских последователей («Материализм и эмпириокритицизм»), с тех пор называя Богданова не иначе как «махистом». Исключенный в 1909–1910 гг. из фракции большевиков и из ЦК РСДРП обиженный Богданов попытался создать собственную фракцию на основе заграничных «партийных школ» для русских рабочих на о. Капри и в Болонье, но неудачно. И с 1912 г. оказался вне партии.

Не имея возможности здесь хотя бы сжато обозреть последствия и уроки крупнейшей партийно-философской дискуссии среди русских марксистов, ограничимся лишь несколькими существенными замечаниями. Богданов как эпистемолог, хотя и не разделял крайностей «энергетизма» В. Оствальда и гносеологии Э. Маха, явно преувеличил эвристическое значение неопозитивизма (и не понял в итоге ни теории относительности, ни квантовой теории), а затем чересчур поспешно провозгласил «конец философии» [18, с. 86]. Богданов как социолог, хотя и видел односторонность механицизма, порожденного крупным машинным производством, собственную трудовую концепцию общества развивал именно как механистическую.

Однако, во-первых, такая концепция обещала все же более высокий

уровень понимания стоящих перед социализмом технических проблем, нежели «диамат» Плеханова, считавшего, например, невозможным для человечества увидеть обратную сторону Луны [56]. Примечательно, что в это же время Богданов в своей утопии «Красная звезда» дал такое описание космического корабля («этеронифа»), что инженеры-авиаторы Л. Мациевич [59, с. 17] и Н. Рынин [58, с. 22] рассматривали его как реалистичный проект.

Во-вторых, несостоятельно обвинение Богданова Лениным в том, что трактовка объективности физического мира как общезначимости («коллективно организованного» или «социально согласованного опыта») является разновидностью «субъективного идеализма». Хрестоматийной стала ленинская цитата из Богданова с разгневанным комментарием: «Объективный характер физического мира заключается в том, что он существует не для меня лично, а для всех» (неверно! он существует *независимо* от всех) [41, с. 104]. Но «независимо от всех» не существуют, например, ни небесные созвездия, ни часовые пояса, ставшие общезначимыми лишь в процессе человеческого «социально согласованного опыта» (существование же местного времени или разноудаленных звезд в пространстве Богданов, конечно же, и не думал отрицать).

В-третьих, неверно и категоричное заявление Ленина, что всякое перенесение естественно-научных понятий «в применении к области общественных наук есть пустая фраза» [41, с. 348]. В таком случае «пустой фразой» придется признать и учение об общественно-экономических «формациях» (понятие взято из геологии), и исходный для политической экономии Маркса анализ товара как «клеточки» буржуазного общества (понятие взято из биологии) и т. д.

В-четвертых, наговором Ленина [42, с. 198], до сих пор тиражируе-

мым швондерами от философии и историографии, является приписывание Богданову «богостроительства», порожденного легкомыслием Луначарского (вопреки порицанию его другом непозволительного «злоупотребления религиозной терминологией») и художественной вольностью близкого в то время к обоим М. Горького: Богданов никогда *не был* «богостроителем» и *не мог им быть* [27, с. 20–24].

Наконец, нельзя не согласиться с Богдановым в том, что главные из его трудов, на судьбе которых столь трагически сказалось его «отлучение от марксизма», были написаны им *после* 1908 г. [19, с. 420]. Первое место среди этих трудов занимает «Всеобщая организационная наука (Тектология)» — опыт общей теории систем, основанной на открытии «повторения организационных типов на всех ступенях бытия» [8, с. 24], предвосхитившей почти на 40 лет кибернетику (изобличенную некогда диаматчиками за сходство с «избитыми идеями Богданова» [30, с. 10]). В **тектологии** (от греческого «тектон» — «строитель») были устранены некоторые слабые стороны эмпириомонизма, и на ее основе Богданов рассчитывал углубить исторический монизм как учение о связи разных сторон общественного процесса.

Стоит отметить три «зарубки» Богданова на тернистом пути от политической экономии к тектологии. Во-первых, «неортодоксальный» философ отводил от марксизма упрек в жестком детерминизме. «Марксизм говорит: если успеют сложиться достаточные силы, то общество преобразуется таким-то способом; если нет, то оно деградирует» [11, с. 211].

Во-вторых, своеобразие классового и формационного подхода. Богданов подчеркивал функцию господствующих классов как организаторов производства с тенденцией к вырождению в потребительско-паразитическом направлении. Эта тенденция присуща и классу

буржуазии, перерождающемуся в собственников-рантье, но он формирует промежуточный слой наемных управляющих, инженерно-технических специалистов, конторщиков и т. д., который Богданов обозначил новой категорией «*техническая интеллигенция*» [20, с. 62, 75, 102]. В социологии Богданова ключевой стала идея, что рабочий класс должен сменить не только капиталистов как собственников средств производства, но и интеллигентов-техников как организаторов производства, иначе произойдет всего лишь замена ига предпринимателей на иго инженеров и ученых [5, с. 104].

И в-третьих, для того чтобы миссия пролетариата не только как класса-разрушителя старого общества, но и как класса-строителя нового строя — строя хозяйственной и «*всесоциальной*» *плановности* — осуществилась, необходима систематическая разработка пролетариатом собственной идеологии — включая и область техники и естествознания («*идеология производительных сил*»), и область художественного творчества. Это — идея, которую Богданов хотел сделать знаменем своей фракции и «*партийной школы*» в Болонье (1911), а после отхода от «*политики в заграничном духе*» и публикации 1-го тома «*Тектологии*» (1913) пропагандировал в статьях о «*пролетарской культуре*» и в книге «*Наука об общественном сознании*» (1914).

В числе лекторов Болонской школы был социал-демократ Михаил Вельтман (1871–1927), писавший под псевдонимом «*М. Павлович*», автор книги «*Великие железнодорожные и морские пути будущего*» (1913) об империалистической *рельсовой политике* западноевропейских держав. А. Луначарский в рецензии на книгу писал: «*Эти гигантские персонажи нашей эпохи разыгрывают на мировой сцене хитросплетенную комедию, готовую ежеминутно обратиться в трагедию*» [47, с. 121].

И вскоре трагедия разыгралась — мировая война. Богданов, по амни-

стии в связи с 300-летием царствующего дома вернувшийся в 1913 г. в Россию, как дипломированный врач был мобилизован в армию, участвовал в Восточно-Прусской операции. На фронте познакомился с известным клиницистом С. Л. Малолетковым (ранее главврачом старейшей в Москве Голицынской больницы), едва не был представлен к ордену за то, что вывел санитарный обоз из-под обстрела. Но завершилась война для полкового врача капитана Малиновского превращением из доктора в пациента. Нервы не выдержали картин массового человекоубийства и агрессивной дремучести: «*Солдатики, при сочувствии большинства офицеров, с огромной затратой сил и с диким наслаждением всячески оскверняли все помещицьи и крестьянские дома, магазины, госпитали, все полезные и удобные помещения, в результате чего сами должны были квартирно довольствоваться сараями и хлевами*» [19, с. 27]. Как следствие — экзема, демобилизация и лечение в Москве в клинике нервных болезней.

Пережитое укрепило убежденность Богданова в необходимости нового *организационного мышления*, ибо мировая война «*поставила ясно дилемму — преодоление анархии социальных сил и интересов или распад цивилизации*» [18, с. 26]. Оправившись от фронтовых потрясений, он погрузился в работу над 2-м томом «*Тектологии*», вышедшим в 1917 г. уже в республиканской России.

Организационные связи мирового целого

Известному определению живого организма как целого, которое больше суммы своих частей, Богданов придавал более широкое значение универсального критерия организованности и предложил обобщения для механизмов, придающих такое качество организованно-

му целому: формирующие и регулирующие. Универсальный формирующий механизм, основанный на соединении элементов и введении посредствующих звеньев для *цепной связи* частей системы Богданов назвал **ингрессией** (лат. «вхождение»), универсальный регулирующий механизм обозначил как **подбор**, проявляющийся через образование новых и разрыв (*дезингрессию*) прежних связей как консервативный либо прогрессивный, *положительный* (доставляющий материал, усложняющий формы и увеличивающий разнородность связей) либо отрицательный (упрощающий материал и формы, вносящий в связи однородность и согласованность). Особую роль в процессах подбора играют периодические колебания или волны, а ключевой для количественной и структурной устойчивости форм по отношению к среде является зависимость системы как целого от *наименьших относительных сопротивлений* всех частей в данный момент — упрощенно говоря, от «слабого звена», ограничивающего возможности остальных.

Отправным пунктом для выводов об универсальных механизмах организационных связей мирового целого для Богданова послужили его познания и размышления как врача, мучительно переживавшего, почему «в костюмах XX века возрождается дикость и варварство давно пережитых эпох», и задавшегося вопросом: не значит ли взаимное истребление людьми друг друга в мировой войне отсутствие прогресса человеческой природы: «достаточно вихрю истории сорвать с европейца бумажный плащ гуманной цивилизации, чтобы под ним обнаружился извечный троглодит?» [18, с. 164].

Ответ Богданов искал на основе закона «слабого звена» — в данном случае применительно к «слоистости» человеческой психики и культурной системы. «Ступени, низшие по развитию социальности, различаются в разных странах гораздо меньше, чем средние и высшие:

разности малых величин, естественно, не могут быть велики — лондонский хулиган из буржуазных классов и темный дикарь из глухих кварталов по способностям и склонности к разрушительным действиям приблизительно сходны с соответственными типами русских столиц». Более того, и современный культурный человек, *взятый в отдельности*, «также не есть однородное целое. Его психомоторная система включает также градацию наслоений — от низших до высших, от звериных инстинктов пещерного предка до чистого социального идеализма в разных его формах, свойственных разным классам. И опять-таки, когда внешнее воздействие достаточной силы, направленное на низшие комплексы психомоторной системы, преодолевает их инерцию и выведет их из равновесия, два человека могут проявить себя одинаковым стихийным разрушением, хотя в психике одного низшая группа реакций образует, может быть, одну десятую, а в психике другого — девять десятых». «*Равнение по низшему*» в *стадных действиях толпы* — проявление «закона наименее благоприятных условий» («слабого звена») в эпоху потрясений. В толпе «действие концентрируется на тех группах психических реакций, которые являются наиболее одинаковыми для всех; но таковы именно низшие группы, высшие — с их сложной дифференциацией — расходятся гораздо больше. Поэтому в толпе человек, сохранивший только небольшие остатки зоологического наследия в своей психике, может совершать такие же зверства, как другой, в котором это наследие преобладает над социальностью» [18, с. 165].

Отдельно Богданов отметил, что в «равнении по низшему» при социальных столкновениях — расовых, национальных, классовых — играет могущественную и зловещую роль массовое подчинение *алогизму консервативных, стихийно сложившихся понятий*. Этот *статический алогизм* активно эксплуатируется политиками, прибегающими

к отождествлению отторгаемых идей с другими, заведомо ненавистными публике [19, с. 27]. «Равнение по низшему» — результат того, что «организация в своей практике живет гораздо более стихийно, чем в сознании своих деятелей. Она развивает свою работу по линии наименьших сопротивлений в настоящем, *подчиняясь* указанному закону, но не по линии наибольших воздействий в предвидимом будущем, что она должна была бы делать, *пользуясь* этим законом как орудием для своих интересов» [18, с. 164].

«Закон наименее благоприятных условий сурово властвует над человечеством, пока оно не овладеет им. Здесь для тектологии возникает вопрос: как овладеть им в культурной сфере, чтобы не получалось такого равнения по низшему, которое подчиняет цивилизацию пережиткам дикости, хотя бы они были количественно гораздо слабее накопленных ею активностей» [19, с. 166].

Этому вопросу особо пронзительную остроту придавало понимание Богдановым того, что открывшиеся грандиозные перспективы овладения внутриатомной энергией должны «дать в руки людям такие гигантские и грозные силы, которые необходимо требуют контроля общечеловеческого коллектива, иначе они могут оказаться губительными для всей жизни на Земле» [5, с. 7–8].

Это — первое в мировой общественной мысли — предупреждение об опасности ядерного омницида мы находим в книге Богданова «Вопросы социализма», написанной между февралем и октябрём 1917 г., по завершении 2-го тома «Тектологии» с характерным подзаголовком «Механизм расхождения и дезорганизации». Обеим книгам предшествовала разработка Богдановым теории *мирового военного кризиса* в цикле статей «Мировые кризисы, мирные и военные» в журнале М. Горького «Летопись». Здесь приложение организационной методологии было сфокусировано уже не на соци-

ально-психологической, а на политэкономической проблематике.

Цепная связь отраслей и экономические кризисы

Отправным пунктом в организационном анализе А. А. Богдановым мирового военного кризиса 1914 г. стало понимание пульсации капиталистического рынка как положительного и отрицательного подбора с волнами подъема (расширения) и спада (кризиса) в системе, сложенной *цепной связью отраслей со «слабым звеном»* в виде ограниченности покупательной силы масс, сдерживающей расширение сбыта капиталистически произведенной продукции.

К пониманию цепной связи отраслей подошел в своей известной теории рынка М. Туган-Барановский. Он отметил, что производство элементов *основного капитала* создает дополнительный спрос не только на железо как на главный конструкционный материал для машинного оборудования, но и на другие товары — уголь, дерево, кирпичи и т. д. [64, с. 319]. Однако это расширение спроса по отраслевой цепи Туган-Барановский ошибочно истолковал как возможность *неограниченного*, хотя и сопровождающегося спадами, промышленного развития *в отрыве* от конечного потребительского спроса [64, с. 258–259, 264–265].

Начав свою работу с критики ошибки М. Туган-Барановского, Богданов отметил, что народное потребление (покупательная способность масс) остается лимитирующим *слабым звеном* капиталистического воспроизводства, но вследствие цепной связи отраслей даже *незначительное* расширение конечного потребления может привести к *гораздо большему* расширению рынка в целом [13, № 3, с. 142]. Первые кризисы капиталистического производства происходили во времена преобладания текстильной промышленности

с почти правильной периодичностью (1825, 1836, 1847, 1857). Эту правильность сбили структурные сдвиги в промышленности (ускоренный рост черной металлургии, угледобычи, машиностроения), удлинившие цепную связь отраслей и тем самым — период «скрытого перепроизводства» — отдалив «первичную волну» сокращения спроса от потребительского рынка [13, № 3, с. 161–162]. Разрешение противоречия между капиталистическим производством и не поспевавшим за ним потреблением замедлилось, но зато стало и более разрушительным — кризис 1873 г., фактически растянувшийся до 1878 г. [13, № 3, с. 163].

Затем почти до начала XX в. кризисы носили локальный характер — вплоть до нового общеевропейского потрясения в 1900–1903 гг., слабо затронувшего, однако, США. На этом основании одни экономисты, в том числе ревизионист Э. Бернштейн, стали утверждать, что возможно устранить опасность периодических кризисов, а другие, как Зомбарт (по самоопределению — «буржуазный критик Маркса») и Туган-Барановский, — что необходимо расширить теорию кризисов до теории экономического цикла и капиталистической конъюнктуры.

А. Богданов обосновал трактовку капиталистического цикла как организационного процесса, в котором сталкиваются противоположные тенденции к расширению и стеснению рынков, замедлению и ускорению «скрытого перепроизводства» [13, № 3, с. 140]. Причем различные фазы процесса усложнения производственного аппарата и транспортной революции дали перевес сначала замедляющим, а затем (к началу XX в.) уже ускоряющим моментам, и, хотя мировой кризис 1900–1903 гг. почти не коснулся США, а кризис 1907 г. в США сравнительно мало затронул Европу, вскоре назревал новый мировой экономический кризис, однако его упредила мировая военная катастрофа.

Политэкономы-марксисты усматривали истоки мировой войны в агрессивности нового западного колониализма, подхлестываемого перерождением классического капитализма в финансовый капитализм, который «хочет не свободы, а господства» [25, с. 472], «утяжелением» структуры крупной промышленности. Вышеупомянутый М. Павлович отмечал, что металлоиндустрия и смежные с ней отрасли (особенно машиностроение и судостроение, добыча каменного угля, железнодорожное строительство) оказались самым тесным образом связаны с милитаризмом, поскольку он гарантировал им обеспеченный дополнительный сбыт. И полувековое развитие черной металлургии было во многом функцией прогресса военного дела, состязанием между непробиваемой броней и всесокрушающим снарядом [55, с. 21]. «Металлургическая олигархия» (пример одного германского семейства Круппов чего стоит) была кровно заинтересована в непрерывном увеличении государственных расходов на военно-сухопутные и морские силы, на создание новых армейских корпусов и сооружение новых сухопутных и береговых крепостей, новых эскадр и т. д.

Вовлечение национальных государств в борьбу за доли мирового рынка — отмечал, в свою очередь, А. Богданов — было спровоцировано обострением в условиях стеснения европейских рынков противоречия между цепной связью отраслей и анархической разрозненностью капиталистического производства. Капиталистическое государство, обладая широкими возможностями для наращивания технически специализированной военной силы в разных ее видах, способно доставлять *дополнительный потребительный рынок* посредством милитаристического спроса, а благодаря цепной связи отраслей — еще больший рынок вообще [13, № 5, с. 122]. Но соперничество организованных единиц, порождая их

расширение и усовершенствование, доводит до момента, когда силы конкурентного давления перевешивают силы цепной связи, и наступает перепроизводство. Избыток особого товара — технически специализированной военной силы — втянул европейские нации в истребительный процесс, причем вслед за первоначальным резким падением промышленности и параличом кредита с разрывом интернациональных связей финансового капитала обнаружилась сила милитаристического рынка, с избытком заменившего для национальных капиталов спрос только что утерянных ими рынков. Разорванные связи международного рынка сомкнулись вновь на рынке национально-милитаристическом [18, с. 435–436]. В результате истребительная война затянулась на годы.

Богданов отметил и еще одну сторону мирового военного кризиса, которую назвал *бесчеловечным фетишизмом отвлеченной истины* [21, с. 71], подразумевая поглощенность интеллектуалов вроде Альфреда Нобеля (по словам последнего) «вещами чудовишными», но «так интересными с чисто теоретической точки зрения». К началу XX в. непропорционально большая доля новаторов-изобретателей сконцентрировалась в индустрии вооружений, достижения которой неизменно демонстрировались на Всемирных выставках [26, с. 113].

Кризис как результат противоречий системного расхождения и организационные альтернативы капитализма

Анализом мирового военного кризиса как модификации кризисов промышленного перепроизводства XIX века Богданов занимался параллельно с обоснованием универсального понятия системной дифференциации и ее противоречий, развернутым во 2-м томе «Тектологии». В организационной

динамике как столкновении тенденции *системного расхождения* частей и тенденции к *дополнительным связям*, уравнивающим накопление различий, решающее значение имеют две формы *асимметричной ингрессии* (связь от А к В не тождественна связи от В к А): **эгрессия** (лат. «выхождение из ряда») и **дегрессия** (лат. «схождение вниз»). Эгрессия — это централистическая связь, которая разлагается на асимметричные связи, более простые и сходящиеся к одному центральному комплексу, организационная функция которого существенно отличается от организационной функции остальных — *периферических*, структурно более зависимых комплексов. Дегрессия выражает расхождение частей системы по степени их *пластичности*. Развивается противоречие между пластичностью и прочностью системы: ее выше организованными, но и более уязвимыми комплексами (подвижность элементов увеличивает сложность и богатство комбинаций, но и допускает относительно легкое разрушение связей между ними) и комплексами «скелетными», ниже организованными, но зато и более устойчивыми к воздействиям среды.

Ингрессия связывает активности, эгрессия концентрирует их, но ее концентрирующая сила имеет предел, за которым происходит ослабление связей: с удлинением эгрессивной цепи ее низшие звенья все менее определяются центральным комплексом. Дегрессия делает возможным высшее развитие пластичных форм, фиксируя, закрепляя их активности, охраняя нежные комбинации от грубой их среды. Однако отставание ниже организованной, но более устойчивой «скелетной» части системы от выше организованной пластичной части порождает *противоречия роста*: «скелет», связывая пластичную часть системы, стремится удержать ее в рамках своей формы, *ограничить* ее развитие.

Накапливающиеся противоречия системного расхождения ведут к организационным кризисам — предельным состояниям системы, требующим ее преобразования, которое может быть либо отрицательным — разрушение самой системы; либо положительным — перегруппировка элементов, структурная *контрдифференциация*.

Анализ Богдановым противоречий системного расхождения подводил к понятиям *необходимого разнообразия* и *ограничения разнообразия*, хотя сам Богданов и не ввел таких понятий, позднее обоснованных кибернетикой. (Богдановым был предвосхищен и кибернетический принцип *обратной связи*). А специальный анализ в конце 2-го тома «Тектологии» идеалов различных классов и групп капиталистического общества — к проблеме альтернатив экономического развития в зависимости от соотношения социальных сил и идеологий.

Начав с антитезы пролетарского идеала (общественная собственность на средства производства и бесклассовое товарищеское равенство) и идеала крупной финансово-промышленной буржуазии (система трестов при подавлении боевой активности рабочего класса), Богданов выделил между полюсами ряд «промежуточных построений», среди которых два идеала, обозначаемых как «государственный социализм». Один «правильнее было бы назвать бюрократическим социализмом: производство и распределение, организованное иерархией чиновников с патриархально-моральной монархической властью во главе» [9, с. 150]. Другой — идеал, выдвигаемый технической интеллигенцией: «планомерная организация труда и распределения под руководством ученых-экономистов, инженеров, врачей, юристов, вообще — самой этой интеллигенции; при этом она создает привилегированные, разумеется, условия для себя, но также условия жизненно-удовлетворительные для рабочего класса, тем самым

устраняются основания для классовой борьбы и получается гармония интересов» [9, с. 149]. Этот идеал Богданов связывал с «большинством французских радикал-социалистов», но он весьма точно соответствует также концепции, появившейся в то время в США и наиболее отчетливо сформулированной теоретиком рационального менеджизма Г. Ганттом, а чуть позже прозванной «технократией» и прокламированной основоположником институционализма Т. Вебленом как «третий путь между плутократией капитализма и диктатурой пролетариата» [71, р. 93].

Богданов считал такой путь вероятным для послевоенного капитализма, ожидая, что на Западе произойдут революции, преобразующие систему господства финансового капитала [6, с. 343]. Но это не будут социалистические революции, к которым, как показала война, пролетариат даже в передовых странах еще не готов [6, с. 322, 329]. И не будет готов, если не осуществит «программу культуры» [6, с. 334–335].

А что же в России, где бывшие однопартийцы Богданова — большевики — взяли курс на социалистическую революцию? Пришедший к убеждению, что «из царства необходимости в царство свободы ведет не скачок, а трудный путь» [5, с. 74], Богданов в статьях 1917 г., собранных в книгу «Вопросы социализма», выступил с критикой «максимализма... в форме ленинизма», выводившего из «военно-государственного капитализма» предпосылки социалистической революции, причем мировой.

Организационный анализ военно-коммунистической революции

Октябрьский переворот был сразу оценен А. Богдановым как «военно-коммунистическая революция», порожденная «атмосферой миража, в которой смутные прообразы социализма прини-

маются за его осуществление» [5, с. 90, 100]. «Смутные прообразы» — это государственное (особенно в Германии) внедрение в капитализм элементов «военного коммунизма» — от карточного распределения до трудовой повинности, что было принято В. Ульяновым-Лениным и его соратниками, особенно из группы «межрайонцев» (А. Троцким, Ю. Лариным) за материальную подготовку планового хозяйства.

Богданов же указывал, что задача планомерной хозяйственной организации не только не осуществима в условиях регресса производительных сил, вызванного войной, но вообще не может быть решена, пока сохраняется «специализированная, недоступно-цеховая форма современной науки», так как в случае захвата власти пролетариат столкнется с необходимостью решения задач — и не только экономических, но и технических — для которого попросту не располагает знаниями. Остается «надежда на готовность интеллигенции за хорошую плату осуществлять какой-нибудь хозяйственный план». Но работа для пролетариата — это совершенно иное, чем организация интеллигенцией — и за страх, и за совесть, и за часть прибавочной стоимости — производства для капитала и буржуазного государства. Это означало бы работу интеллигенции над разрушением основ собственного привилегированного положения — «примеров такой самоотверженности в истории пока не встречалось» [6, с. 319–320]

Расхождения Богданова с взявшими власть большевиками сказались и на возобновленной им вместе с И. Скворцовым-Степановым работе над фундаментальным «Курсом политической экономии». Скворцов-Степанов, занимавший (правда, недолго) пост наркома финансов в первом Совете народных комиссаров, не допустил включения в новое издание богдановского анализа «военно-экономических формаций». Этот раздел появился в учебни-

ке позже, когда большевики после победы в гражданской войне (а Богданов в 1917 г. предупреждал, что «реакция может перейти в гражданскую войну с расточением лучших сил народа») де-факто признали ошибочность политики «военного коммунизма» (но не правоту Богданова!).

Объединяя понятием «военно-экономические формации» общеевропейский военно-государственный капитализм и российский «военный коммунизм трудовых классов», Богданов снова подчеркивал значение закона «слабого звена» — на этот раз применительно и к «скрытому самоубийственному противоречию» капиталистического милитаризма, и к экономической политике большевиков. С одной стороны, последствием перепроизводства технически специализированной военной силы стала демократизация социального состава армии, особенно далеко зашедшая в России, мобилизовавшей в солдаты разношерстную массу, преимущественно из крестьян, тяготившуюся окопной жизнью и мечтавшую о прекращении войны. Лозунг *мира* позволил большевикам повести за собой эту массу, повернувшую штыки против имущих классов и выступившую как *класс исторического момента*. Но, с другой стороны, этот момент не мог быть подлинно социалистической революцией, поскольку образовавшийся «военно-коммунистический» блок социальных низов равнялся по «низшему» — «логике казармы» [6, с. 353] и самой примитивной революционной идеологии — «социализму дележа» [23, с. 264].

После 1917 г.

Богданов отказался вернуться в партию большевиков, несмотря на предложения значительных постов. Однако он развернул пропаганду своих идей в Пролеткульте, поначалу пользовавшемся поддержкой ставшего наркомом просвещения А. В. Луначарского. Председатель Пролеткульта П. И. Лебедев-

Полянский вспоминал, что при встречах с ним в Смольном В. И. Ульянов-Ленин «сильно ругал» А. А. Богданова за брошюру «Вопросы социализма» [40, с. 177]. Немудрено: критика Богданова задевала за живое проводников военно-коммунистической утопии, не получившей принципиальной оценки и позже, при переходе к нэпу. А на I Всероссийском съезде совнархозов (май 1918 г.) Предсовнаркома Ульянов-Ленин, мягко говоря, слукавил, заявив, что не знает ни одного сочинения о социалистическом обществе, «где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники — превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма» [44, с. 382]. Ведь именно на эту практическую трудность указывала брошюра тектолога «Вопросы социализма», да и более ранние работы Богданова о пролетарской культуре.

Раздраженный влиянием хотя и лояльного, но независимого беспартийного Богданова, Предсовнаркома в итоге инспирировал разгром Пролеткульта и насаждение априори (т. е. до прочтения) отрицательного отношения к завершенной в 1922 г. главной книге бывшего философского оппонента, открытую полемику с которым Ульянов-Ленин «не взялся»¹⁾ продолжать, но воспользовался ресурсом политической власти, чтобы уполномоченные «товарищи» давали «необходимые

указания» про «реакционные» воззрения [41, с. 12] товарища Богданова.

Все последние годы жизни, хотя и имея возможность продолжения печатания новых и переиздания старых трудов, а затем и организации вместе с С. А. Малолетковым, И. И. Соболевым и другими врачами-энтузиастами первого в мире Института переливания крови, А. А. Богданов, по его собственным словам, находился «в своем отечестве на положении „еретика“, официального „дьявола“, от которого „отрицаются“, на которого „дуют и плюют“» [18, с. 423]. Побывал и под арестом в ГПУ, из-за чего был запрещен к публикации уже прочитанный в Комкадемии доклад, в котором единожды возникло в работах Богданова понятие общественной элиты [15, с. 13], тогда только начинавшее входить в обиход. Появилось оно в связи с анализом редуktивного развития производственных функций буржуазии (как ранее других господствующих классов) и диалектики «прогрессивного и регрессивного моментов» в развитии трудовых классов капиталистического общества.

Богданов был сдержан в «организационном анализе» социально-экономических изменений в России и в мире в 1920-е гг., но определенно придавал ключевое значение возрастанию роли технической, или организаторской интеллигенции, в связи с расширением функций буржуазного государства как органа «коллективного страхования капитала» и возросшим масштабом научно-технических задач рационального использования национальных производительных сил: как природных (освоение минеральных ресурсов), так и рабочих — причем не только исполнительских, но также и организаторских [15, с. 14]. Порождением этого нового масштаба задач Богданов считал образование различных научно-технических комитетов при правительствах и появление «частичных организационных наук» — тэйлоризма, психотехники, теории администрирования.

¹⁾ Грузинский большевик Мелитон Филия (1888–1931) вспоминал, что при встрече с Лениным в Париже (август 1910 г.) передал ему, что товарищи, у которых остались «кое-какие невыясненные вопросы по философии», ждут от Ленина ответа на книгу Богданова «Вера и наука». На что Ленин заявил: «Нет, нет. Хватит с меня. Больше за философию не возьмусь» [54, с. 62].

Во всем этом Богданов видел признаки превращения технической, или организаторской, интеллигенции в «класс для себя». В своих последних тезисах на социально-экономические темы, написанных «в стол», Богданов принципиально разграничил интеллигенцию собственно техническую (инженерно-научную) и интеллигенцию «нормативно-государственную», непосредственная база которой — «не производство, а разбухший государственный аппарат с включенным в него милитаристическим» [12, с. 46]. Различие между двумя группами нового организаторского класса выражается не только степенью тенденций к научной точности, но и тем, что техническая интеллигенция как таковая в основном тяготеет к политической демократии и пацифизму, а нормативно-государственная — к агрессивному национализму и различным формам военной диктатуры, вплоть до фашистской.

Эти две социальные группы воплотили, по определению Богданова, две «культурные линии новейшего капитализма» — линию «буржуазно-интеллигентского техницизма» и линию «норматизма» — подчинившие своему влиянию и рабочий класс, так и не оформивший культурной самостоятельности. Линия «буржуазно-интеллигентского техницизма» сводится к повышению квалификации и заработка, приобщению к «общей» культуре, политическому минимализму и сотрудничеству с капиталом в деле повышения экономической и культурной годности рабочих масс для «прогрессивного буржуазного жизнестроительства» [12, с. 40–41]. Тогда как линия «норматизма» проявляется в жестком идеологическом доктринерстве, курсе на блага «твердого руководства и дисциплины» и достижение конечной цели в результате благоприятного соотношения *боевых сил*; «пацифизм государственно-условный, с уклоном в прямой антипацифизм по отношению к гражданской войне» [12, с. 52].

Экономико-социологические работы А. А. Богданова, к сожалению, оставались неопубликованными вплоть до 1990-х («Линии культуры XIX и XX века») и даже 2000-х годов («Общественно-научное значение новейших тенденций естествознания») и поэтому оказались потерянным звеном парадигмы индустриального общества, развивая оригинальную ее версию, отличную от западных концепций «технократии» и «нового класса». Хотя прогноз Богданова о технической интеллигенции как «новой форме существования буржуазии как господствующего класса» оказался преувеличением, в противопоставлении двух «культурных линий новейшего капитализма» содержались элементы предвосхищения поворота в развитии мировой капиталистической системы, произошедшего после следующего грандиозного мирового экономического кризиса — Великой депрессии 1929–1933 гг. — и величайшего мирового военного кризиса 1939–1945 гг.

Во-первых, главная организационная альтернатива при выходе из обоих кризисов — фашистские модели («Третий рейх» в Германии и корпоративные режимы юго-западной Европы) или парламентарные модели смешанной экономики, основанные на крупномасштабном правительственном вмешательстве («Новый курс» в США и странах северо-западной Европы), — по существу, охватывается богдановской дилеммой «норматизма» и «буржуазно-интеллигентского техницизма».

Во-вторых, реформы по линии «буржуазно-интеллигентского техницизма» привели к оформлению теории макроэкономического регулирования, основанной на принципе *мультипликатора* занятости и инвестиций и увеличение народного потребления как фактора *эффективного спроса* и тем самым экономического роста. Это, по существу, формализация богдановских положений о цепной связи отраслевых рынков и о том, что расширение потребительского рынка послужит основанием

гораздо большего расширения рынка в целом. Мультиплицирующий эффект и был положен в основу кейнсианской макроэкономической политики стимулирования совокупного спроса, обеспечившей становление различных моделей государства всеобщего благоденствия и благополучные «серебряные» 1950-е и «золотые» 1960-е гг. с самыми высокими в истории индустриального общества темпами экономического роста.

И, наконец, в-третьих, модели государства всеобщего благоденствия базировались на *контрцифференциации* в капиталистической системе — снижении неравенства посредством более или менее значительного перераспределения доходов (коллективные договоры, прогрессивное налогообложение, социальные трансферты и т. д.), выполнявшего функцию «встроенных стабилизаторов», по выражению виднейшего макроэкономиста-неокейнсианца П. Сэмюэлсона. А служащие государственных регулирующих органов и научно-исследовательских центров, а также слой специалистов в крупных корпорациях, который Дж. К. Гэлбрейт назвал «техноструктурой» [32, с. 99 и др.], были (с оговорками, конечно) той «технической», или «организаторской» интеллигенцией, возвышение которой предсказывал А. Богданов.

Нельзя не подчеркнуть, что описанная трансформация капитализма происходила под давлением советского «незавершенного проекта» [63] плановой цивилизации. Этот проект с организационным каркасом, описанным Богдановым в 1917 г. как «бюрократический социализм», включил в себя и создание *режимопослушной технократии*, подчиненной жесткому идеологическому доктринерству и «благам твердого руководства и дисциплины» (процесс развернулся вовсю сразу после смерти Богданова, в кадровых «революциях» первых советских пятилеток [31, с. 537–539, 547–550]. Судьба «Российской республики», как предпочитал Богданов до конца жизни называть СССР [18, с. 426] является поучительным примером универсальной организационной закономерности, сформулированной А. А. Богдановым опять-таки еще в 1917 г. во 2-м томе «Тектологии» («Механизм расхождения и организации»): «*четочные*» (в том числе социально-экономические и политические) структуры, с большим количеством соприкосновений с внешней средой, устойчивее и благоприятнее для развития комплексов *под положительным подбором*, жесткие «слитные» структуры — *под отрицательным подбором* [9, с. 113, 116].

Литература

1. Базаров В. А. А. А. Богданов (Малиновский) как мыслитель // Вестник МИАБ. 2002. № 4 (12).
2. Базаров В. А. Пионеры марксизма // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. II / Под ред. С. А. Венгерова. М.: ИЦ «XXI век — Согласие», 2000.
3. Базаров В. А. 75-летие К. Тимирязева // Новая жизнь. 1918. 4 июня (22 мая).
4. Богданов А. А. Автобиография // Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской революции. М.: Книга, 1989.
5. Богданов А. А. Вопросы социализма. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1918.
6. Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990.
7. Богданов А. А. Гениальность и талант с социологической точки зрения // Архив РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 13. Л. 35–43.

8. *Богданов А. А.* Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. 1. СПб.: Изд-во М. И. Семенова, 1913.
9. *Богданов А. А.* Всеобщая организационная наука (Тектология). Т. II. Механизм расхождения и дезорганизации. М.: Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве», 1917.
10. *Богданов А. А.* Из психологии общества. 2-е изд., доп. СПб., 1906.
11. *Богданов А. А.* Краткий курс экономической науки. 9-е изд. М.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1906. С. 274
12. *Богданов А. А.* Линии культуры XIX и XX века // Вестник МИАБ. 2000. № 4.
13. *Богданов А. А.* Мировые кризисы, мирные и военные // Летопись. 1916. № 3, 4, 5, 7.
14. *Богданов А. А.* О пролетарской культуре. 1904–1924. Л.—М.: Книга, 1924.
15. *Богданов А. А.* Общественно-научное значение новейших тенденций естествознания // Вестник МИАБ. 2004. № 2 (18).
16. *Богданов А. А.* Падение великого фетишизма. Вера и наука. СПб.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1910.
17. *Богданов А. А.* Приключения одной философской школы. СПб.: Т-во «Знание», 1908.
18. *Богданов А. А.* Тектология: всеобщая организационная наука. М.: Финансы, 2003.
19. *Богданов А. А.* Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления // Вестник МИАБ. 2005. № 2 (22).
20. *Богданов А. А.* Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма. Сб. 1. СПб.: Т-во «Знание», 1909.
21. *Богданов А. А.* Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса. М.: Госиздат, 1920.
22. *Богданов А. А.* Эмпириомонизм. Статьи по философии. М.: Республика, 2003.
23. *Богданов А., Степанов И.* Курс политической экономики. Т. 2. Вып. 4. Общая теория капитализма. Коллективистический строй. 3-е изд. М.—Пг.: Госиздат, 1924.
24. *Васильев Н. А.* Значение Дарвина в философии // Вестник МИАБ. № 4 (24).
25. *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. М.: Соцэкгиз, 1959.
26. *Гловели Г. Д.* Всемирные выставки как витрина и локомотив второй технологической революции // Экономическая политика. 2013. № 1. <http://publications.hse.ru/view/89822227>
27. *Гловели Г. Д.* Социализм науки: Мебиусова лента А. А. Богданова. М.: Знание, 1991.
28. *Гловели Г. Д.* «Страсть к монизму»: гедонический подбор Александра Богданова // Вопросы философии. 2003. № 9.
29. *Гловели Г. Д.* Судьба энциклопедиста // Вестник МИАБ. 2003. № 4 (16).
30. *Гловели Г. Д.* Тектология: генеалогия и историография // Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука. М.: Финансы, 2003.
31. *Гловели Г. Д.* Экономическая история. М.: Юрайт, 2014.
32. *Элбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество. М.—СПб.: ТранзитКнига, 2004.
33. *Ермолаев И. Е.* Мои воспоминания. 1923. <http://www.booksite.ru/recollection/19.htm>
34. *Жид Ш., Рист Ш.* История экономических учений. М.: Свобода, 1918.
35. *Кареев Н. И.* Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.
36. *Кареев Н. И.* Социология // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. II/Т. 60. СПб., 1900.
37. *Кареев Н. И.* Старые и новые этюды об экономическом материализме. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1896.
38. *Конт О.* Общий обзор позитивизма // Родоначальники позитивизма. Вып. 5. СПб.: Брокгауз—Ефрон, 1913.
39. *Короленко В. Г.* Земли! Земли! М.: Советский писатель, 1991.
40. *Лебедев-Полянский В. И.* Встречи с Лениным // Новый мир. 1958. № 11. <http://leninism.su/memory/4344-zhivoj-lenin.html?showall=& start=17>
41. *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм / Полн. собр. соч. Т. 18. М.: Политиздат, 1968.

42. Ленин В. И. Письмо ученикам Каприйской школы / Полн. собр. соч. Т. 47. М.: Политиздат, 1970.
43. Ленин В. И. Рец. на: А. Богданов. «Краткий курс экономической науки» / Полн. собр. соч. Т. 4. М.: Политиздат, 1967.
44. Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства // Полн. собр. соч. Т. 36. М.: Политиздат, 1969.
45. Лепешинский П. Н. На повороте. М.—Л.: Госиздат, 1925. leninism.su/memory/4305-napovorote.html?showall=&start=10
46. Луначарский А. В. Александр Александрович Богданов // Правда. 1928. 10 апр.
47. Луначарский А. В. Рец. на: Павлович М. «Великие железнодорожные и морские пути будущего» // Свободный журнал. 1914. № 5.
48. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1959.
49. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960.
50. Маркс К. Письмо Энгельсу 7 июля 1866 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. М.: Госполитиздат, 1963.
51. Маркс К., Энгельс Ф. Учредительный манифест Международного товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. М.: Госполитиздат, 1959.
52. Маркс К., Энгельс Ф. Циркулярное письмо А. Бебелю и др. (17–18.09.1879) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1959.
53. Михайловский Н. К. Сочинения. Т. 1. СПб.: Изд. редакции ж. «Русское богатство», 1896.
54. О Ленине. Сборник воспоминаний. М., 1927.
55. Павлович М. П. Собрание сочинений. Т. II. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. Л.: Госиздат, 1925.
56. Плеханов Г. В. Избр. филос. произведения. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956.
57. Ремизов А. М. Иверень. Загогулины моей памяти // Ремизов А. М. Собрание сочинений. Т. 8. М.: Русская книга, 2000.
58. Рынин Н. А. Техника и фантазия // В бой за технику. 1934. № 8. С. 22.
59. Сборник памяти Л. М. Мациевича. СПб., 1912.
60. Соболев И. И. Товарищ // Вестник МИАБ. 2002. № 4 (12).
61. Соловьев-Андреевич Е. А. Рабочие люди и «новые идеи». СПб., 1906.
62. Спенсер Г. Основания социологии. Ч. 2. СПб.: И. И. Билибин, 1877.
63. СССР: незавершенный проект / Под ред. Бузгалина А. В., Линке П. М.: Ленанд/URSS, 2016. 528 с.
64. Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. М.: РОССПЭН, 1997.
65. Туган-Барановский М. И. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. 4-е изд. СПб., 1907.
66. Филиппов М. М. Социологическое учение Карла Маркса // Научное обозрение. 1897. № 1, 2, 3, 4.
67. Хейенорт Ж. ван Ф. Энгельс и математика // Природа. 1991. № 8.
68. Чижевский А. Л. На берегу Вселенной. Годы дружбы с Циолковским. М., 1995. С. 318.
69. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961.
70. Энгельс Ф. Письмо П. Л. Лаврову от 12–17.11.1875 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. М.: Госполитиздат, 1964.
71. Veblen T. The Engineers and the Price System. N. Y., 1921.
72. Zeleny M. Tectologiya // International Journal of General Systems. V. 14. 1988.